

УДК 159.92

КОНЕЦ СМЫСЛА: ДЕЗАБСУРДИЗАЦИЯ ЗНАКА

Мазяр Олег Васильевич
Житомирский государственный университет имени Ивана Франко

The end of the meaning: disabsurdization of the sign

Mazyar Oleg

Zhytomyr Ivan Franko State University
st. B. Berdichevskaya, 40, Zhitomir, Ukraine, 10008

Аннотация. В эволюционном аспекте мышление является уникальной формой интеллектуальной деятельности, которая предусматривает оперирование знаковой системой. В отличие от сигнала в системе регуляции животных знак имеет бинарную структуру, синтезирует нетождественные элементы (психические реакции) и создает условия для формирования когнитивного абсурда. Принцип абсурда снимает рефлекторную предопределенность психического реагирования и позволяет человеку выходить за пределы актуальной ситуации. Абсурд формируется в условиях столкновения двух очагов возбуждения и неспособности сформировать доминанту. Этот физиологический процесс создает условия для возникновения инверсии сдвоенных элементов знака. Сущность мыслительной деятельности состоит в формировании новых бинарных связей и развитии знаковой системы саморегуляции. Мышление состоит в том, чтобы разрушать абсурдные связи в попытке достичь рациональности. Показаны условия формирования невротического расстройства и теоретико-методологические отличия психологической консультации и терапии.

Ключевые слова: знак, смысл, абсурд, дезабсурдизация, мышление, невроз.

Annotation. In the evolutionary aspect, thinking is a unique form of intellectual activity, which involves operating a sign system. In contrast to the signal in the system of regulation of animals, the sign has a binary structure, synthesizes non-identical elements (psychic reactions) and creates conditions for the formation of cognitive absurdity. The principle of absurdity removes the reflex predetermination of mental response and allows a person to go beyond the current situation. The absurdity is formed under the conditions of the collision of two foci of excitation and inability to form a dominant. This physiological process creates conditions for the occurrence of inversion of double elements of the sign. The essence of mental activity consists in the formation of new binary connections and the development of a sign system of self-regulation. Thinking consists in destroying the absurd connections in an attempt to achieve rationality. The conditions for the formation of neurotic disorder and the theoretical and methodological differences in psychological counseling and therapy are shown.

Key words: sign, meaning, absurdity, disabsurdization, thinking, neurosis.

Самодвижение мысли как научная проблема. Общим физиологическим основанием мышления является столкновение двух очагов возбуждения в условиях невозможности сформировать доминанту. В этом случае формирование доминанты на физиологическом уровне и процесс мышления на психологическом уровне следует рассматривать как попытку произвести торможение определенной части возбужденных центров. Однако торможение оказывается неполным, или, выражаясь языком психоанализа, происходит по типу неудачного вытеснения психического материала [1]. По нашему мнению, вторая сигнальная система в целом развивается в ответ на отсутствие относительно быстрого достижения тормозной стадии парабриоза в психической деятельности человека. Ранее нами обосновывалось положение о том, что исходной точкой мыслительной деятельности становится ситуация невозможности, с одной стороны, сформировать неадекватный рефлекс на ультрапарадоксальной стадии парабриоза, а с другой – регрессировать к его парадоксальной стадии, т.е. к адекватному рефлексу, вследствие несоответствия прежних и новых показателей реакции. *Рефлексия и мышление – это дельта одной и той же реакции на разных стадиях парабриоза, необходимость сравнения очень близких, неразрывно связанных, но не идентичных психических состояний, попытка субъекта объяснить собственное состояние «то же, но не то».*

Проблема смысла одновременно оказывается и вершиной психологии, и неопределенной категорией анализа, потому что она непрерывно динамична. Самая слабая сторона психологической науки – неразработанность проблемы психодинамики. Помещая ее в «поток сознания» [2], определяя функциональные [3] и возрастные аспекты [4], психология фиксирует свершившиеся изменения, удовлетворяясь констатацией их генетической и/или социальной обусловленности. Психодинамика постигается постфактум. Психология оказывается неспособной вклиниться в ее процесс, технология изменения смыслов остается вне поля психологического анализа.

Мышление рассматривали как последовательность интеллектуальных действий, объективированных в ассоциациях (школы ассоциативной психологии), в процессе решения задач (Вюрцбургская школа), в поведенческих актах и реакциях (бихевиоризм), в умственных операциях (О. Зельц, Ж. Пиаже), в психических структурах (гештальт-психология), в когнитивном диссонансе (Л. Фестингер). Однако сущность этого движения, собственно, схема образования смыслов остается неубедительно раскрытой.

Критика О. Зельцем положений ассоциативной психологии является принципиальной и демонстрирует качественно иное понимание механизма мышления; им впервые раскрыта сущность основных интеллектуальных операций, однако их процессуальная закономерность развертывания остается за скобками концепции. «Предыдущие стадии его [процесса мышления] подготавливают и обуславливают последующие этапы» [5, с. 97]. Но каким образом «подготавливают» и «обуславливают»? «Мыслительная деятельность, действительно, создает условия для самодвижения. Но происходит это лишь потому, что в мышлении всегда отражается объективная реальность, которая в результате мыслительной деятельности предстает перед человеком новыми сторонами. Вычлененные в объектах новые качества и новые отношения становятся исходным пунктом для дальнейшего движения мысли» [5, с. 97]. В этом комментарии Л.И. Анцыферовой удивительна вся цепь размышления. Мыслительная деятельность оказывается замкнутой в пределах своих имманентных качеств, результатом чего становится «самодвижение». Тезис о самодвижении будто снимает необходимость раскрывать его причины. Оттого и – «действительно». Это «действительно» создает предпосылки для многочисленных гипотез, цель которых при помощи психических артефактов структурно-функционального характера воссоздать систему самодвижения мысли. Поэтому Д.А. Леонтьев, в свою очередь, метко замечает: «Множественность определений смысла, одинаково убедительных и одинаково эвристичных, наводит на предположение, что за понятием смысла скрывается не конкретная психологическая структура, допускающая однозначную дефиницию, а сложная и многогранная смысловая реальность, принимающая различные формы и проявляющаяся в

различных психологических эффектах» [6, с. 105]. Именно убежденность в невозможности воспроизвести конкретную психологическую структуру смысла выталкивает исследователей в плоскость построения сложной и многогранной смысловой реальности, пронизывающей все сферы человеческой психики.

Сигнал и знак. Смысл рождает знаковая система, которая, как высказался А. Валлон, бесконечно приспособляема к новым значениям [7]. Знак является единицей второй сигнальной системы, суть которой сводится к вербальному определению объектов, явлений и процессов. От первой сигнальной системы ее отличает то, что сигнал животного имеет однозначный, генетически установленный характер, который, впрочем, способен несколько корректироваться под воздействием внешних условий, но не теряет своего строго «семантического» значения. Сущность первой сигнальной системы в том и состоит, чтобы четко определять рефлекторную реакцию животного, не оставляя шансов для двойного толкования и, значит, выбора поведенческой линии. Поэтому, как указывает Б.Ф. Поршнев, сигнал не только однозначен, он – что более существенно! – незаменим другим сигналом [8]. При такой системе саморегуляции заменимость сигнала излишня и чрезвычайно вредна.

Знак от сигнала, по замечанию Б.Ф. Поршнева, отличает его заменимость (явление синонимии). Один знак может быть заменен другим, если под ним понимать слово, предложение или целый текст. Синонимия позволяет знакам вступать друг с другом в семантические связи, а значит определяться друг через друга. При этом антонимы способствуют тому, чтобы возникала возможность дифференцировать знаки: отличать, соотносить, противопоставлять. Знаки создают логику и синтаксис. В то же время сигналы животных не вступают в отношения синонимии и антонимии. Они – готовые «бессвязные смыслы». Сигналы располагаются вне логики и синтаксиса.

Каким образом знаки образуют такую антагонистичную сигнальную систему? Структура знака такова, что он изначально противоположен животному сигналу тем, что *не получает завершеного развития*. Если сигнал незыблем и его коррекция – процесс исключительный, сложный и продолжительный, то знак вообще окончательно никогда не формируется. Если коррекция сигнала животного вызывается необычными внешними условиями, то знак открыт для развития и непрерывно корректируем в тривиальных условиях. Значение знака неполно, несмотря на попытки фиксировать значение в словарях, справочниках, учебниках. Один из базовых принципов человеческой коммуникации состоит в том, что люди вынуждены постоянно «договариваться» о значениях, т.е. корректировать знаковую систему друг друга и собственную.

Знаковая система более энергозатратна и когнитивно сложна, чтобы эволюционно устоять рядом с традиционной сигнальной системой. Однако ее преимуществом является возможность субъекта выходить за пределы ситуации и связывать между собой любые стимулы. Этот эффект обусловлен тем, что знаковая система, с точки зрения формальной логики, рождает *абсурд*. При такой саморегуляции рефлекс не отменен второй сигнальной системой, но выведен знаком из-под безальтернативности и предопределенности. «Несовершенство» знака освободило человека от жесткой рефлекторной программы. Человек получил эволюционный шанс на построение разнообразного, но и более адекватного поведения. Человек стал субъектом, способным регулировать свое поведение, уклоняясь от мощного рефлекторного предписания.

Знаковая система. Каким образом сигнал животного был преобразован в человеческий знак? О физиологической природе этого процесса указывалось выше. По нашему мнению, это динамические особенности ультрапарадоксального состояния, в результате которых субъект оказывается вынужденным и способным сравнивать свои психические реакции. Парабиоз на ультрапарадоксальной стадии создал условия для возникновения синонимии и антонимии. Точнее, принудил человека дифференцировать свое психическое состояние в условиях возникновения синонимических и антонимических реакций. Речь идет об инверсии стадий парабиоза, когда прежняя стадия становится антагонистичной, а более ранняя – подобной, но не тождественной [9].

Как это отразилось на сигнальной системе вида Номо? Его физиологическая дивергенция – это существенное удлинение времени пребывания индивида в ультрапарадоксальном состоянии, принуждение и вследствие того развитие способности сравнивать собственные реакции как необходимость выхода из некомфортного состояния. Это создает условия для «самодвижения» интеллектуального процесса, позже названного мышлением. Затягивание времени пребывания в ультрапарадоксальном состоянии, его дифференциация закономерно привели к замене сигнальной системы на противоположную – знаковую. Б.Ф. Поршнев указывает на это с совершенной категоричностью: «...вторжение в высшую нервную деятельность специфических систем человеческого общения не есть ни пристройка, ни надстройка к прежнему. Это переворот» [10, с. 130].

Суть сигнального переворота состоит в том, что знак оказался *изначально двухэлементен*. Знак – это сдвоенные элементы (реакции), которые следует рассматривать в качестве элементарной психической единицы. Это положение, выдвинутое А. Валлоном в концепции бинарных психических образований [7] и развитое Б.Ф. Поршневым в понятии дипластии [8], объясняет имманентную противоречивость психического функционирования человека. *То, что академическая психология фиксирует как образование внутреннего конфликта, на самом деле есть изначальная форма психического функционирования человека, а так называемый внутренний конфликт – последующее осознание этой психической единицы.* Академическая психология начинает анализ с уже расчлененных бинарных образований и только позже пытается их синтезировать для объяснения сложных психических элементов. Весь путь психологии, начиная с ассоциативной школы [11], концептуальных взглядов И.Ф. Гербарта [12], Ф. Кейры [13], В. Вундта [14] и многих других исследователей, – это попытка создать из простых психических элементов сложные. Характерными для докризисной психологии являются выводы И.А. Сикорского: «Ассоциация представляет из себя акт не только психологический, но – глубоко органический: посредством него связываются два представления, какого бы происхождения они ни были...» [15, с. 64]. Однако кризис в психологии потому и возникает, что исследователи неправильно оценили исходное условие задачи. Они оказались наблюдательны, когда поняли ассоциативный принцип строения психических образований, но при этом оказались далеки от понимания того, что первичным является двухэлементная форма знака, а не одноэлементная.

Академическая психология подобралась к предмету исследования с середины – уже расщепленной ассоциации, которую пытаются снова синтезировать. Вывести из этого принципа суть мышления невозможно, поскольку теряется суть мыслительного акта – динамика, «самодвижение». При таком подходе исследователь уже наблюдает некое движение, но не имеет представления о том, каким образом оно началось и, следовательно, что его питает. Тот же И.А. Сикорский точно фиксирует главную отличительную черту человеческой психики: «...ассоциация является следствием и выражением анатомического устройства мозга. Можно сказать, что мозг есть ассоциативный аппарат по преимуществу. Его задача объединять и связывать то, что разделено пространством и временем» [15, с. 65]. Но понимать это необходимо так, что ассоциация вторична и даже не совсем точно отображает сущность психического явления. Тогда как ассоциация (если так ее называть) является первичным и единственно нормальным условием существования знака. *Мыслить – это не столько соединять отдельные элементы в ассоциации, сколько динамика двухэлементного структурного образования, который может распасться на элементы, однако на короткое время и только для того, чтобы образовать новый знак.*

Б.Ф. Поршнев подчеркивает: «Элементы, объединяемые дипластией, могут как находиться в тех или иных объективных отношениях, так и не иметь никакой объективной связи между собой, т.е. составлять абсурд – специфическую возможность только человеческого ума» [10, с. 135]. Мы уточняем: вопрос связи этих бинарных элементов вообще непринципиален, ибо психическая бинарность, или дипластия, лишена цели поиска «объективных отношений». Даже при достижении объективности эти отношения

антагонистичны в том смысле, что нетождественны, иначе не возникало бы основания для «появления и прибавления» элементов.

Два элемента возникают как эквиваленты двух реакций возбуждения, столкновение которых порождает ультрапарадоксальное состояние, во время которого не способна сформироваться доминанта. Ключевой нюанс состоит в том, что формирующаяся доминанта не достигает кульминации возбуждения, позволяющей ей впоследствии быть заторможенной [16]. По нашему мнению, причина этого явления – неспособность индивида отреагировать: он колеблется между неадекватной реакцией первой фазы ультрапарадоксального состояния (эквивалент семантического антонима) и регрессией к парадоксальной фазе парабиоза (эквивалент синонима). Индивид обречен сравнивать свои состояния и дифференцировать их. Обретение смысла – это результат выбора реакции, но этот выбор неокончателен, поскольку индивиду не удастся до конца разорвать бинарность знака. Поэтому человек постоянно в поиске иного, нового.

Специфическая потребность человека – определять значения знака. Это можно представить как развертывание синонимии и антонимии элементов: «то самое», «не то самое», «иное». Знак – такое психическое образование, в котором два антагонистичных элемента тождественны по форме, но не тождественны по содержанию. Поэтому любой знак можно определять огромное количество раз, уточнять, предлагая все новые оттенки значения. Дефиниция знака (как и постижение смысла) всегда неокончательна. В этом кроется истинное эволюционное предназначение второй сигнальной системы – *умножать значения*. Это природное основание для развития индивидуальности и творчества. Человек, даже если бы желал, не может повториться в силу уникальности и незавершенности формирования знаковой системы.

В этом вопросе мы расходимся со взглядами Б.Ф. Поршнева, утверждающего: «Каждое произнесенное, написанное или подуманное слово тем самым запрещает или «оттормаживает» великое множество других слов. Можно сказать, что оно находится в антагонизме с любым другим словом. Среди них есть слова очень близкие по форме или по значению, способные придать дальнейшему течению речи хоть чуть-чуть иное направление. Производится непрерывный отсев и подавление всех вариантов. Отвергая все другие слова, слово срастается со своим единственным и точным смыслом. Нечеткость в выборе слов отвечает ранним стадиям в развитии ребенка, в росте интеллекта и образованности» [10, с. 132]. По нашему мнению, никакого срастания с единственным и точным смыслом быть не может даже в психической патологии, хотя последняя предельно минимизирует вариативность личностного развития и крайне сужает смысл. В связи с этим С.Л. Выготский пророчески заметил: «Ключ к психологии – в патологии; не потому только, что последняя нащупала и изучила раньше других корень психики, но потому, что такова внутренняя природа вещей и обусловленная ею природа научного знания об этих вещах» [17, с. 293]. Патология максимально упростила анализ смыслов, поскольку таковые оказываются существенно обеднены и инертны, что позволяет производить своеобразные стоп-кадры психической саморегуляции человека.

Можем говорить о мере устойчивости связи слова и смысла, но не о срастании слова с его значением. Психическое развитие, рост интеллекта и образованности связаны с четкостью выбора слов именно в том, чтобы усложнять значение слов и смыслов. Срастание говорит, скорее, о наличии психической патологии, регрессии, инфантильности индивида.

Структура знака. Математически состав знака можно определить числом $2 - A/B$, где A и B становятся элементарной психической единицей, при этом не являясь тождественными. Визуально это можно представить в виде двухцветного пластилинового шара. Разъединить их по цветовому признаку – задача невыполнимая, но, прикладывая достаточные старания и деликатность, можно достичь некоторого успеха. Этот процесс можно назвать дезабсурдизацией: его результатом будут две «единицы» (два элемента). Впрочем, это слабо реализуемо, поскольку генетическая форма знака именно абсурдная, что способствует выходу за пределы рефлекса, точнее, открытия огромного шлюза к

формированию неадекватных рефлексов. Как сказал бы И.А. Сикорский, «объединять и связывать то, что разделено пространством и временем», т.е. соединять «все со всем». Дезабсурдизация рождает смыслы и формирует новые связи. *Каждая такая «единица» – это временное когнитивное состояние психики, направленное на образование новых «двоек» (знаков в классической функциональной форме).*

Мы предполагаем, что структура знаковой системы в целом происходит по такому принципу: элемент А знака А/В может входить в состав других знаков: А/Д, А/С, А/Ф (рис.1). Таким образом мышление человека «самодвижется», переходя с одного знака в другой по психофизиологическим рельсам доминанты. В этом процессе одновременно происходит то, что в истории психологии называлось ассоциацией, но одновременно распадением элементов для нового синтеза.

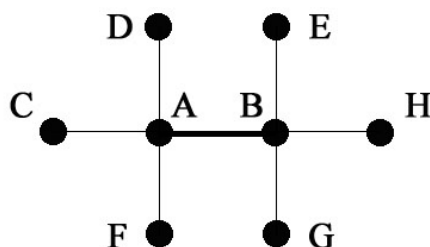

Рис. 1. Схема знака А/В и его связь с другими знаками

Автономных единичных знаков не существует, поскольку в таком случае они утрачивают основное свойство знака. В единичном форме они становятся сигналами первой сигнальной системы. Наличие внутренней оппозиции (нетождественности элементов одного знака) обуславливает возможность осознание элемента А как не С, D и F, а значит дифференциацию и идентификацию знаков, что, очевидно, имел в виду Б.Ф. Поршнев в предыдущей цитате.

Развивая взгляды А. Валлона и Б.Ф. Поршнева, мы определяем знак как связь двух нетождественных элементов, формально пребывающих в отношениях тождественности. Математическая формула знака: $A \equiv B$, где А и В – элементы знака, символ « \equiv » означает логический знак тождественности. При этом в актуализированном, собственно доминантном состоянии пребывает только часть знака (один из двух элементов); другая часть – заторможена, субдоминантна, плохо осознается, но всякий раз актуализируется в ситуации инверсии, когда тормозится ранее доминантная часть знака. Неосознаваемость в этом случае следует трактовать как скрытое влияние на поведение субъекта, что достаточно детально представлено глубинной психологией.

Представленная формула $A \equiv B$ – обыденная, рабочая форма абсурда, недостаточно рефлекслируемая субъектом как таковая. В таком виде знак пригоден для создания новых знаков и смысловых связей, что и определяет высокую адаптивную гибкость человеческого поведения.

«Двойка» – не только естественное структурное состояние знака, но и единственно возможное в долгосрочной перспективе. Человек обречен на абсурд, как животное обречено на рефлекторное реагирование. Абсурд – это инвертированная форма рефлекса. Человек стремится к абсурду как к наиболее комфортной форме восприятия действительности. Отсюда неистребимая склонность к иррациональным актам, верованиям, предрассудкам, риску экспериментирования. Рациональность – лишь зафиксированные «единицы» понимания сущего, причем их следует рассматривать как временные психические образования, являющиеся строительным материалом для следующих знаков («двоек»).

Нарушение структуры знака. Логическое мышление всегда будет уступать иррациональному восприятию мира: не потому, что человеку не хватает образования, а потому что само образование направлено на то, чтобы научить человека более эффективно создавать временные «единицы» понимания и потом снова их синтезировать. Главным

препятствием этому процессу является состояние, которое можно определить как когнитивная «тройка», приобретающее форму неклинического невротического расстройства.

Невроз – это испорченная, нефункциональная форма знака, застрявшего в процессе трансформации, т.е. развития, установления новых семантических связей. Клиент приходит к психотерапевту за возобновлением прежнего функционального абсурда, а не для того, чтобы избавиться от него. Дезабсурдизация, которая зачастую навязывается психотерапией в качестве средства лечения, глубоко чужда сознанию клиента. Естественное сопротивление психотерапии – это объективная невозможность выдерживать состояние «единицы» (дифференцированной «двойки»). Эффект конфронтации возникает потому, что клиент убеждается в намерениях специалиста до конца разорвать его абсурдную связь, а не пытается усилить ее, а то и не предлагает новую. По этой причине разного рода магические процедуры выглядят для клиента куда более привлекательными: *они усиливают или создают абсурд*.

С точки зрения формирования знака, невроз – *это фрустрированное осознание антагонистичности абсурда, его логической несостоятельности, но и одновременная невозможность достижения временной «единицы»*. Это приводит к остановке процесса развития знаковой системы, ведь условный элемент А связан с другими знаками. В структурном аспекте вместо «двойки» формируется «тройка». Это иной путь осознания абсурдности формального тождества А и В. Теперь они постепенно начинают квалифицироваться не как тождественные, но вместе с тем это не приводит к разрушению их формальной связи.

Процесс дезабсурдизации знака А/В предусматривает вклинивание в мышление третьего элемента. Третьим элементом обыкновенно является антоним элемента А при условии, что он актуализирован, возбужден, доминантен. Антоним можно записать как \bar{A} . Когнитивное пространство не-А позволяет субъекту дифференцировать сущность элемента А. Этот процесс продолжителен, навязчив и приводит к тому, что и заторможенная сторона – субдоминантный элемент В – начинает осознаваться, пусть и в дискретной связи с элементом А. Элемент \bar{A} разрывает знак А/В путем осознания их абсурдной связи. Элементы А и В начинают квалифицироваться субъектом как нетождественные ($A \neq B$). Собственно, все внутренние конфликты и кризисы – это закономерные этапы дезабсурдизации отдельных знаков, неспособность естественным путем, не разрушая структуру «двойки», сформировать новые знаки, а значит смысловые конструкции.

Начальную формулу невроза можно выразить следующим образом: $(A \cup \bar{A}) = B$. Трудность нивелирования невроза заключается в том, что *субъект ошибочно воспринимает элемент \bar{A} в качестве субдоминантного элемента В*. Поэтому жалоба клиента не совпадает с истинными ее причинами, которые кроются в особенностях элемента В. Субъект оказывается неспособным решить личностную проблему потому, что приходит к неправильным выводам. Языком формальной логики это можно выразить отношением: $(A \neq \bar{A}) \cup (\bar{A} = B)$. Субдоминантный элемент В не попадает в поле рефлексии субъекта, хотя фрагментарно способен анализироваться. Точнее, элемент В ускользает от рефлексии, поскольку заторможен, покуда не произойдет очередная нервно-психическая инверсия, в результате которой затормозится элемент А. Это есть то, что в психоанализе называется «неудачным вытеснением», а в гештальтпсихологии – «незавершенным гештальтом». Элемент \bar{A} призван отдифференцировать элемент А и содействовать постепенной идентификации элемента В.

Психологическую консультацию можно определить как процесс разьяснения субъекту ошибочности формулы $\bar{A} = B$. Ее успех определяется формулой $\bar{A} \neq B$ – осознанием и принятием того, что элементы \bar{A} (антоним доминантного элемента) и В (субдоминантный элемент) не являются тождественными, что решение проблемы станет возможным только в процессе идентификации элемента В. Последний оказывается доступен для анализа лишь спустя какое-то время в результате достижения инверсии «испорченного» знака.

Психотерапия в ее глубинной редакции нацелена на поиск антонима субдоминантного элемента (элемента \bar{B}). Только идентификация этого элемента позволит полностью отдифференцировать В, нарастить такой уровень возбуждения, чтобы достичь тормозной стадии парабиоза.

Знак и мышление. Знаковая система функционирует таким образом, что каждый знак связан с другими знаками посредством общих элементов. Развитие знаковой системы – процесс кратковременной дезабсурдизации знаков и синтезирование новых бинарных структур. Если этот процесс затрудняется, субъект начинает осознавать «испорченный» знак, что сопровождается невротической симптоматикой различной степени силы.

Таким образом, возможно различать тривиальную интеллектуальную деятельность человека и собственно мышление как целенаправленный психический процесс. Первая характеризуется непрерывной синтетической работой по формированию новых абсурдных связей, которая субъектом минимально осознаваема. Эту интеллектуальную работу ни в коем случае нельзя назвать примитивной, но она в значительной степени автоматизирована и свернута. Кратковременное появление «троек» преодолевается операцией *сочетания абсурда* (2+2): элемент \bar{A} вместо того, чтобы служить осознанию абсурда, сам оказывается в абсурдной связи с другим элементом. Наипростейшей формой этого процесса есть установление антагонистической связи с «родительским» элементом А. Субъект не замечает очевидной противоречивости. Ошибка $\bar{A}=B$ становится «фатальной». Элемент \bar{A} теряет статус третьего элемента, оттягивается от знака А/В другим элементом (условным F), и они образуют новый знак (\bar{A}/F).

Еще одна «бесконфликтная» форма образования смысла: *умножение абсурда* (2×2). Это способность индивида делать своеобразные интеллектуальные прыжки. Речь идет о способности знаковой системы соединять знаки без общего элемента и даже без третьего элемента (\bar{A}). На место знака А/В приходит условный знак С/D, и таким образом знак А/В оказывается свободным от дезабсурдизации. Это можно квалифицировать как проявление истинного творчества, которое состоит в том, что субъект способен производить оригинальные мысли, нетривиальные идеи, принимать неожиданные решения. Такой творческий человек получает ту же «четверку» на выходе, но она содержательно совершенно иная, чем «четверка», полученная в результате сочетания знаков. При сочетании знаков идеи последовательны, часто стереотипны, тривиальны; при умножении – творческие. Хотя, вместе с тем, это не освобождает «испорченный» знак от следующей дезабсурдизации.

Собственно мышление, напротив, нетривиально и отличается трудоемкостью, сопряжено с целенаправленными попытками производить дезабсурдизацию. Главная особенность – нацеленность на дифференциацию «двоек», выделение «единиц» и попытки моделировать их соединение в состав других знаков. Мышление – это развертывание свернутой дезабсурдизации и – что не менее существенно – сознательное планирование новых синтетических связей. Б.Ф. Поршнев указывает, что в филогенезе представление о «единице», по всей видимости, появилась после представления о цифре «четыре» [8]. Мы это связываем с тем, что «единица» является результатом фрустрации формирования абсурда и по типу сочетанию и по типу умножения.

В целом, можем очертить координаты, в которых бьется смысл: А – незавершенное знание, В – незнание, \bar{A} – другое знание (знание области не-А), \bar{B} – другое незнание (незнание области не-В). Конечная цель мышления, как и в психотерапии, – раскрытие сути элемента \bar{B} . Впрочем, эта цель практически недостижима, хотя бы потому что объем искомым элементов неисчислимы.

Заключение. В основе второй сигнальной системы лежит знак. Знак имеет бинарную структуру, синтезируя нетождественные элементы и создавая условия для абсурда как основы мышления. Сущность мышления состоит в том, чтобы развивать знаковую систему, продуцируя новые знаки. Для этого существующие знаки поддаются операции дезабсурдизации – дифференциации элементов, которые потом синтезируются в новых

конфигурациях. Тривиальная интеллектуальная деятельность представляет собой свернутую дезабсурдизацию, которая приводит к формированию новых знаков («двоек»). Мышление в истинном понимании – это осуществление дезабсурдизации «испорченного» знака, что означает разрывание образовавшейся «тройки» на три единицы: А, В, \bar{A} . Этим единицам суждено стать основой для образования трех знаков («двоек»).

Указанный процесс представлен нами схематично и упрощенно, потому как истинная динамика смыслообразования должна учитывать неподдающуюся измерению скорость умственных операций и комбинаторность дифференциации и синтеза элементов.

Список литературы:

1. Брилл А. Лекции по психоаналитической психиатрии / Пер. с англ. Екатеринбург: «Деловая книга», 1998.
2. Джеймс В. Научные основы психологии / Пер. под редакцией Л.Е. Оболенского. С.-Петербург: «С.-Петербургская Электротпечатная», 1902.
3. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1960.
4. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе. Вопросы психологии. 1979. № 3. С. 96–105.
5. Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М.: Издательство «Наука», 1966.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003.
7. Валлон А. От действия к мысли: очерк сравнительной психологии / Пер. с фр.; Общ. ред., вст. ст. А.Н. Леонтьев. М.: Издательство иностранной литературы, 1956.
8. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеонтопсихологии). М.: «Мысль», 1974.
9. Мазяр О.В. Психофізіологічний механізм формування невротичного розладу. *Врачебное дело*. 2017. № 7. С. 110–116.
10. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Издательство «Наука», 1966.
11. Ивановский В. От переводчика / Бэн А. Психология. Т. 2. М.: Издание М.Н. Прокоповича, 1906. С. I-XI.
12. Гербарт И.Ф. Психология / Пер. А. Нечаева. С.-Петербург: Типография железнодорожных изданий А.Ф. Штольценбурга, 1895.
13. Кейра Ф. Характер и нравственное воспитание / Пер. с фр. под редакцией Р.И. Сементковского. С.-Петербург: Типография Ю.Н. Эрлих, 1897.
14. Вундт В. Очерки психологии / Пер. нем. Д.В. Викторова. М.: «Московское книгоиздательство», 1912.
15. Сикорский И.А. Начатки Психологии с 20 фигурами в тексте / Изд. 2-ое, доп. К.: Тип. С.В. Кульженко, 1909.
16. Гальперин С.И. Физиология человека и животных: учебное пособие для студентов университетов и педагогических факультетов / Изд. 4-е перераб. и доп. М.: Изд-во «Высшая школа», 1970.
17. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982.